

— Не так уж сложно, у меня ведь не какая-то официальная компания, не нужно проходить процедуры.

Ду Ицзэ взял деньги и положил их на журнальный столик:

— Ты тут и финансист, и кадровик — занимаешь важные должности.

— Не смейся надо мной. — Ли Миньюй указал указательным пальцем правой руки на наличные на столе. — ...Ты не пересчитаешь?

— Почему я должен беспокоиться? — улыбнулся Ду Ицзэ. — Да и мне особо не на что тратить.

Ли Миньюй, вероятно, был одним из немногих начальников, которые считали дни, чтобы выплатить зарплату сотруднику. Он хихикнул, довольный, вернулся в комнату и положил матрас обратно на кровать, придавив несколько пачек денег, сложенных как кирпичи.

На самом деле, Ду Ицзэ нашёл деньги, спрятанные Ли Миньюем по всей квартире, в день большой уборки. Ли Миньюй действительно умел прятать деньги — под матрасом это ещё понятно, сейф за картиной тоже можно объяснить, но он даже в щель между вилкой кондиционера засовывал несколько сотенных купюр.

У некоторых коллег Ду Ицзэ тоже была привычка прятать деньги, но они делали это, чтобы скрыть свои следы во время сделок, хотя могли использовать виртуальные валюты — видимо, паранойя была их профессиональной болезнью. Они покупали дома специально для хранения денег, и суммы исчислялись миллионами. У Ли Миньюя же набралось всего несколько десятков тысяч, что было несравнимо.

На самом деле, Ли Миньюй не был беден. Карта, которую ему дал Гу Е, позволяла ему прожить до конца жизни, но он всё равно регулярно ходил в банк, снимал небольшую сумму, клал её в белый конверт, зажимал его под мышкой и, как хомяк, осторожно возвращался в квартиру, чтобы спрятать деньги в разных углах.

Ли Миньюй не был похож на тех психологов в очках и халатах, которых показывают по телевизору, и которых описывают как «лишённых семейного тепла», «нуждающихся в чувстве безопасности от семьи» или «более нуждающихся в любви». Хотя он с детства рос без отца, и окружающие дети любили унижать его, чтобы почувствовать своё превосходство, он не был хрупким, не страдал от комплексов и не чувствовал себя неполноценным. Его чувство безопасности исходило от денег, от наличных, которые он мог видеть и трогать. Когда бабушка Ли давала ему монетку в десять фэней на карманные расходы, он забывал обо всех проблемах и целый день сжимал её в руке. Он думал о том, как вечером пойдёт с Ду Ицзэ в магазин купить арахис, и даже на уроках сжимал кулак, а в туалете поднимал руку вверх, чтобы монетка не упала в унитаз.

Только когда он держал эту монетку, Ли Миньюй чувствовал себя в безопасности и удовлетворённым. Насмешки и ругательства были как ветер из туалета, зловонный, но уже не

способный его поколебать.

Они прожили под одной крышей уже месяц, и Ли Миньюй считал, что Ду Ицзэ как сосед по комнате был идеальным — он не шумел, был тихим, как кошка, и вдобавок взял на себя все его бытовые нужды. Часто, когда Ли Миньюй просыпался, завтрак уже подогревался на плите. Хотя они ложились спать в одно время, Ду Ицзэ всегда вставал раньше, либо читал газету на диване, либо возился с полумёртвыми растениями на балконе.

Если Ли Миньюй устал на работе, Ду Ицзэ сам шёл покупать кофе, и окружающие с уважением говорили: «Спасибо, второй брат». Лазурный Дракон, однако, командовал Ду Ицзэ, заставляя его делать то и это. Ли Миньюй ещё не успел его отругать за невоспитанность, а Ду Ицзэ уже спокойно искал ближайшую кофейню, не забывая прихватить коробку пончиков.

Хотя Ли Миньюй не любил сладкое, он взял пончик с розовой глазурью и откусил. Эх, сладость аж до зубов!

Он знал, что Ду Ицзэ изменился. Кто угодно изменился бы, прожив столько лет на улице, но он не ожидал, что изменения будут такими значительными — Ду Ицзэ стал более открытым, чаще улыбался, его глаза сужались, как полумесяцы, а когда он читал газету, его ресницы трепетали, как маленькие веера.

Логично, что после всех этих неприятностей — клеветы, преследований, вынужденной жизни в бегах — Ду Ицзэ мог быть таким спокойным и лёгким, это было редкое качество.

Даже если бы его самого бросили в этот кипящий котёл, он бы, возможно, не выдержал.

Благодаря тому, что Ли Миньюй был местным «авторитетом», он мог использовать свои связи, чтобы помогать людям, не сообщая обо всём Гу Е, иначе он бы не смог найти работу для Ду Ицзэ.

Даже если бы он не был хулиганом, а его связи были бы достаточно сильны, чтобы найти Ду Ицзэ приличную работу, работодатели всё равно были бы сложными, они бы лезли во все дела, пытались выяснить все детали его жизни.

Боже, Ду Ицзэ такой умный, сильный, упорный, как же так получилось, что судьба не дала ему ни капли удачи, и он оказался в такой ситуации, живя с ним?

Ли Миньюй всё больше сожалел о нём, но не мог открыто выразить свои чувства. Ду Ицзэ с детства был на высоте, его уважали, и если бы он сейчас посмотрел на него свысока, то, вероятно, получил бы кулаком в лицо, хотя он не считал Ду Ицзэ таким жестоким.

Он знал, что Ду Ицзэ внешне не показывал, но внутри, наверное, переживал. Например, в тот день, когда директор школы устроил сбор пожертвований для Ду Ицзэ, он вечером постучал в

его дверь, но увидел только матушку Ду. Она покачала головой, на лице была непонятная грусть:

— Сегодня он даже ужин не поел, эта стипендия только увеличила его нагрузку!

Ли Миньюй давно слышал, что матушка Ду была дочерью богатой семьи, предпочла жить в бедности, но осталась с отцом Ду. Он не видел в этой старой истории любви ничего романтического, он просто знал, что дочь богатой семьи, выйдя замуж за бедняка, оставалась дочерью богатой семьи, но Ду Ицзэ уже не был сыном богатой семьи, поэтому слова матушки Ду никак не отражали его настоящие чувства.

Ли Миньюй изначально просто из жалости начал обращать внимание на действия Ду Ицзэ. За эти годы он слышал много странных новостей: студенты, которые из зависти к роскошным вещам соседей по комнате, подсыпали яд в воду, или пьяные на вечеринке царапали ключами чужую машину. Ли Миньюй боялся, что однажды Ду Ицзэ тоже сломается, станет психопатом и ночью зарубит его ножом, как арбуз, поэтому он везде брал его с собой, как когда-то брал Лазурного Дракона, как когда-то худенький Ду Ицзэ брал его с собой, мечтая о светлом будущем.

Но после того, как Ли Миньюй начал чаще смотреть на Ду Ицзэ, он не мог остановиться.

Ду Ицзэ становился всё красивее и утончённее, не как он, который каждый день хватался за первую попавшуюся одежду, брился через день и выглядел, как рабочий на стройке.

Ли Миньюй, поедая пончики, украдкой поглядывал на Ду Ицзэ, сидящего на пассажирском сиденье, а затем, боясь, что тот заметит, быстро отворачивался, делал вид, что ничего не произошло, хотя внутри его охватывала паника, и он не мог понять.

Что такого особенного в этом мужчине!

Осень пришла незаметно, за одну ночь окрасив листья платанов вдоль тротуара в золотой цвет. Ду Ицзэ теперь выходил на улицу, обмотавшись тонким шерстяным шарфом, а Ли Миньюй больше не ходил в шортах и майке. Это было время самых сильных перепадов температуры, и легко было простудиться. Ли Миньюй не привык пользоваться солнцезащитным кремом, как какой-то «маменькин сынок», и после целого лета на солнце, когда он раздевался, его тело выглядело, как будто на нём были белые майка и шорты.

На самом деле, Ду Ицзэ приехал сюда уже после начала осени, но тогда ещё царила «осенняя жара», и лето никак не хотело уходить. Однако осенний ветер подул внезапно, и после громового раската тучи на небе разорвались, как будто их разрезала молния, и начался ливень, который обрушился на город с востока на запад и с юга на север, продолжаясь целую неделю. После этого осень официально наступила.